

ЭКЗОГЕННЫЕ И ЭНДОГЕННЫЕ ОГРАНИЧИТЕЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Никита Иванович Ялманов,

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
nikita-ya55@yandex.ru

Получена 20.02.2024.

Поступила после рецензирования 29.04.2024.

Принята к публикации 15.05.2024.

Для цитирования: Ялманов Н. И. Экзогенные и эндогенные ограничители рациональности в процессе принятия политических решений // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 129-149. https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_129

Аннотация

Одной из ключевых проблем в процессе принятия политических решений является их рациональное обоснование. Теория рационального выбора долгое время задавала методологические ориентиры для исследований в рассматриваемой тематической области. Неопозитивистская установка на определение стимулов и ответных действий в совокупности с основополагающими метапринципами неоклассической экономической традиции (эффективности, полноты информации, реактивности и целенаправленности) определяли точку зрения, согласно которой рационально обоснованное решение привязано к соотношению эффективности целей и средств. Сегодня возникают новые научные направления, которые стремятся сменить устоявшиеся теоретико-методологические рамки. Внимание к когнитивным особенностям акторов, принимающих решения

© Ялманов Н. И., 2024

в условиях риска и неопределенности, стимулировало возникновение целого ряда исследований, определивших рассмотрение рациональности под новым углом зрения. Ключевые достижения неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов, создали для этого обширную исследовательскую базу. Вместе с тем, актуальность исследования связана не только с появлением целого ряда новых концепций в социально-политических науках, которые меняют взгляд на понятие «рациональность», но и с изменением природы факторов, влияющих на возможность рационального выбора, в том числе, на принятие политических решений. На основе анализа и последовательного рассмотрения данных подходов предпринимается попытка образовать интегральное смысловое поле вокруг концепта рациональности как атрибутивного признака решений. Делается акцент на изучении экзогенных и эндогенных факторов, ограничивающих достижение политически значимых результатов. Доказывается, что ограничительные факторы в зависимости от когнитивных возможностей лиц, принимающих решения, и аналитических средств оценки внешних условий не только могут влиять на конечные результаты решений, но и существенным образом определять содержание процедуры рационализации самого выбора. Методологическая позиция включает изучение динамических аспектов выбора в условиях риска и неопределенности, когда под воздействием экзогенных или эндогенных ограничителей происходит инверсия стратегий рационального выбора.

Ключевые слова:

политические решения, рациональность, экзогенные ограничения, когнитивная ограниченность, информация, контингентность, вероятность, риск, неопределенность, либертарианский патернализм

UDC 321.6.8

DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_129

EXOGENOUS AND ENDOGENOUS CONSTRAINTS OF RATIONALITY IN THE POLITICAL DECISION-MAKING PROCESS

Nikita I. Yalmanov,

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia,
nikita-ya55@yandex.ru

Received 20.02.2024.

Revised 29.04.2024.

Accepted 15.05.2024.

For citation: Yalmanov, N. I. (2024). Exogenous and Endogenous Constraints of Rationality in the Political Decision-Making Process. *Discourse-P*, 21(2), 129–149. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_2_129

Abstract

One of the key problems in political decision-making is to rationalize those decisions. The theory of rational choice has long set methodological guidelines for research in this area. A neo-positivist approach towards the definition of incentives and responses, together with fundamental meta-principles of neoclassical economic tradition (such as efficiency, completeness of information, reactivity, intentionality), determined the point of view according to which a rationally justified decision is tied to effectiveness of goals and means. Today, new scientific directions are appearing that seek to change the established theoretical and methodological framework. Attention to the cognitive characteristics of decision-making actors in conditions of risk and uncertainty has stimulated a number of studies to emerge that have considered rationality from a new angle. Achievements of neoclassical, behavioral and naturalistic approaches formed an extensive research base for this. At the same time, this study is relevant not only due to some new concepts appearing in the socio-political sciences that change the concept of rationality, but also due to changing the nature of factors that affect the possibility of rational choice, including political decision-making. Based on the analysis and consideration of these approaches, an attempt has been made to form an integral semantic field around the concept of rationality as an attribute of solutions. Exogenous and endogenous factors limiting the achievement of politically significant results are emphasized. It is proved that restrictive factors can not only influence the final results of decisions, but also they can significantly determine the content of the procedure for rationalizing the choice itself; however cognitive capabilities of decision makers and analytical tools for assessing external conditions play an important part. Methodology includes studying dynamic aspects of choice under the conditions of risk and uncertainty, when an inversion of rational choice strategies occurs based on the influence of exogenous or endogenous constraints.

Keywords:

political decisions, rationality, exogenous constraints, cognitive limitations, information, contingency, probability, risk, uncertainty, libertarian paternalism

Введение

Зарождение научного интереса к рациональности в процессе принятия властных решений связано с именем известного представителя Чикагской школы политического бихевиоризма Гарольдом Лассуэллом, который считается основоположником такого нового направления в политической науке, как политико-управленческие дисциплины. Он постулировал, что «научная дисциплина может быть отнесена к политико-управленческим наукам, если она разъясняет процесс принятия политических решений в обществе или же обеспечивает необходимыми данными разработку рациональных способов разрешения политико-управленческих вопросов» (Лассуэлл, 2005, с. 41).

Одной из фундаментальных проблем концептуализации политических решений является выделение и обоснование рациональности в качестве основополагающего критерия результативности. Безусловно, требование рациональности – предпосылка для решения самого обширного круга задач в разных сферах человеческой деятельности. Однако в отличие от толкования рациональности в самом широком смысле слова, когда действия оцениваются с точки зрения их разумности и осмысленности, и тем самым противопоставляются иррациональному поведению, логика принятия политических решений подразумевает поиск особого теоретико-методологического контекста, конституирующего выделение отдельного типа рациональности. Речь идет о признании контекста, создаваемого общей теорией принятия решений в качестве основополагающего момента для исследования политико-управленческого типа рациональности.

Современные подходы к изучению процесса принятия политических решений породили множество трактовок рациональности с оговоркой на то, что общим ориентиром для них остается направленность на целесообразность и результативность управления. При этом проблема ограничителей на пути достижения оптимальных значений целеполагания либо выносится за скобки, либо затрагивается вскользь, когда пределам рациональности отводится роль функциональных характеристик, сопутствующих процессу принятия решений. По мере того, как под действием внутренних и внешних обстоятельств возникают новые ситуации, конфигурация и значение ограничивающих факторов также претерпевают изменения, корректируя возможности производить расчеты. В процессе принятия политических решений акторы неизбежно сталкиваются со слабоуправляемыми объективными условиями, которые в существенной степени сказываются на конечных итогах рационального выбора.

Структура рационального выбора подразумевает наличие двух типов ограничителей. Первый тип имеет экзогенный характер, поскольку продуцируется внешней средой. Экзогенное измерение рациональности определяется следующими факторами: трудоемкостью согласования интересов основных акторов в процессе принятия решений, устойчивостью группового взаимодействия, учетом сложности и динамичности социальной среды в качестве адресата решений, наличием и полнотой информации о внешних условиях по отношению к лицу, принимающему решение. Второй тип ограничителей носит эндогенный

характер, так как связан главным образом с когнитивными особенностями и пределами человеческого разума, с возможностями человека сопоставлять собственный опыт с предполагаемыми рисками, со способностью субъекта преодолевать моменты неопределенности в процессе решения управленческих проблем.

На наш взгляд, изучение факторов, которые препятствуют оценке и расчету оптимального образа действий, позволит не только более точно определить функциональные параметры целеполагания, но и рассмотреть данные факторы в качестве атрибутивного элемента рациональности как таковой. Интеграция экзогенных и эндогенных ограничителей в целостную модель объяснения рациональности позволяет обратить внимание на динамические (процедурные) аспекты процесса принятия политических решений, понять каким образом под воздействием риска и неопределенности происходит инверсия стратегий рационального выбора.

Формирование представлений о рациональности в русле неоклассической школы

Изначально осмысление рациональности в процессе принятия решений развивалось в русле теории, в которой данный концепт определил ее название и содержание, – теории рационального выбора. Данная теория, став методологическим ядром неоклассической экономической школы, получила широкое распространение в социально-гуманитарных науках, в том числе в политологии, что позволило ученым говорить об ее парадигмальном статусе.

Общие методологические постулаты теории рационального выбора заключаются в том, что человек рассматривается как «максимизатор выгоды», чьи действия нацелены на максимальную возможность увеличения собственного благополучия. Кроме того, он рационально использует имеющиеся в его распоряжении ресурсы для достижения своих целей. То есть, по сути, речь идет о целенаправленном поведении – основном принципе теории действия, где способность выбирать наилучший вариант из имеющихся и оптимизировать цели выступает базовым критерием рациональности. С точки зрения циклического представления об этапах принятия решений этот процесс включает в себя ряд стадий: определение проблемы и критериев ее оценки, постановка цели и выведение набора альтернатив для ее достижения в соответствии с процедурами оценивания и расчета наилучшего варианта достижения необходимых результатов.

Постулаты стандартной теории позволили объяснить, как в принципе действуют рынки и почему они являются эффективными распределителями дефицитных ресурсов. По мнению Мэри Фармер, притягательность данной теории «частично обусловлена тем, что она преподносилась как теория, выводящая рыночный уклад из свободного выбора разумных индивидов и неразрывно связывающая идеи эффективности, рациональности и порядка в социальной и экономической организации общества с понятиями «свобода личности»,

«индивидуальный выбор» и «индивидуальная рациональность» (Фармер, 1994, с. 47). Теоретики неоклассической школы, как правило, утверждают, что их концепция не только объясняет, каким образом индивиды, чьи сознательные действия направлены на достижения эгоистических целей, создают организованные рынки, но и способна доказать, что подобные рынки обеспечивают более эффективное распределение общественных ресурсов, нежели любая альтернативная система. Следовательно, когда мы рассматриваем теорию рационального выбора с ее индивидуалистической трактовкой концепта «рациональность», то можем оценивать рациональное поведение, опираясь на принцип достижения индивидом собственных целей.

Рассмотрим основные стадии принятия политических решений. Они выглядят следующим образом: сначала в ходе политического процесса определяются политические цели, интересы и приоритеты, затем политические институты ставят цели и собирают необходимую для их достижения информацию, после чего на основе сравнения целей и средств вырабатывается политическая линия, которая подходит для достижения выбранных ориентиров, и наконец, завершается цикл реализацией властных решений. При этом институты законодательной и исполнительной ветвей власти образуют единую систему принятия политических решений. Такая трактовка политических действий, безусловно, в большей мере подходит для демократических режимов, нежели для диктаторских с единоличной персональной моделью целеполагания.

С методологической точки зрения можно выделить отличительные черты неоклассического подхода, определяющие содержание исследований процесса принятия решений. Во-первых, для него характерна неопозитивистская методологическая установка, согласно которой объяснение рациональности при принятии решений строится на основе эмпирического установления их причин. Во-вторых, это опора на фундаментальные для неоклассической экономической традиции метапринципы эффективности, согласно которым главным критерием оценки результативности принятых решений выступают количественные измерения выгод и затрат, полнота информации, реактивность (решения содержат в себе ответ на эмпирически установленные причины проблемной ситуации), целенаправленность (формирование целей и задач через построение, оценку и выбор альтернатив).

Согласно представителям школы рационального выбора, принятие решений – это процесс, осуществляемый субъектом без каких-либо присущих ему ментальных отклонений и ограничителей, а вероятные силы сопротивления имеют исключительно внешнюю природу и формируются окружающей средой. Следовательно, избежать ограничений, искажений и аномалий в процессе осуществления рациональных решений индивидуальный субъект может при условии обладания полной информацией о внешнем фоне, сопровождающем управленческую деятельность, а также о всех возможных альтернативных вариантах действий в условиях неблагоприятной и конкурентной экзогенной среды. Но, как показывает политическая практика, такие условия фактически невыполнимы. Большинство властных решений сопровождается тем или иным

видом ограничений, которые касаются именно ключевого управленческого ресурса – полноты и достоверности необходимой информации. Нерелевантность информации в качестве внешнего ограничителя рационального действия связана с неопределенностью будущего – того временного континуума, которому адресовано любое политическое решение (за исключением оперативных и краткосрочных управленческих мер). Если бы было возможным с абсолютной точностью определить все существенные обстоятельства и детерминанты, то вероятность предсказания результата была бы высокой, а решения исключали бы риск.

Вероятностный характер решений в условиях неопределенности

В исследованиях, посвященных вопросу принятия решений в условиях неопределенности, содержится ссылка на базовый принцип оценки результата – привязку значимости и точности результата к степени его вероятности. Вероятность должна охватывать как весь спектр ожидаемых перспектив, так и потенциальное вмешательство контингентных факторов, проявляющихся с разной степенью частотности. Г. И. Рузавин в своей статье «Неопределенность, вероятность и прогноз» отмечает, что частотная или статистическая интерпретация вероятности стала важнейшим теоретическим инструментом анализа, исчисления и калькуляции рационального принятия решений в условиях неопределенности (Рузавин, 2009, с. 83–85).

Принципы принятия решений в сложных условиях, образуемых экзогенными средовыми факторами, были заложены концепцией вероятностного расчета неопределенности, разработанной нобелевским лауреатом Френком Найтом, которая остается авторитетной во многих отраслях научного знания вплоть до настоящего времени. Осмысление неопределенности сводится им к оценке влияния действующих в определенной ситуации факторов, а также расчету вероятности их проявления. Сами факторы классифицируются на основании частотности повторения. Если классифицируемые факторы в значительной степени соотносимы с наработанным опытом (потому и поддаются числовому выражению), то можно говорить об измеряемой вероятности. В противном случае эмпирическую оценку частотности проявления факторов нельзя свести к типичным комбинациям в силу присутствия отклонений и аномалий. Чтобы сохранить различия между измеримой и неизмеримой вероятностью, Найт использует термин «неопределенность» для обозначения второго типа вероятности и подчеркивает невозможность ее оценки посредством эмпирической классификации (Найт, 2003). В основу изучения исчисляемой вероятности была положена логика нелинейного развития управленческих процессов, сопряженных с риском.

На взаимосвязь между вероятностным расчетом уровня риска и ценностью или полезностью ожидаемых результатов обращает особое внимание теория ожидаемой полезности, сформулированная Джоном фон Нейманом и Оскаром Моргенштерном в середине XX в. Положения данной теории основаны на ряде допущений, рационализирующих процесс принятия решений в условиях риска

и неопределенности. Полагается, что на основе использования всей полноты доступной информации можно перевести оценку риска в количественное исчисление. При этом калькуляция риска считается рациональной только в том случае, если она отвечает аксиомам полноты, транзитивности, независимости и непрерывности. В итоге, наивысший результат (максимизируемая полезность) предпочитается всем остальным, а ранжирование рисков характеризуется упорядоченностью и последовательностью (Нейман, Моргенштерн, 1970).

Если стандартная теория рационального выбора анализирует экзогенную ограниченность рациональности с позиций методологического индивидуализма, то политическую науку в большей степени интересует вопрос внешних издержек в контексте коллективного действия. Достижение максимальных значений коллективного действия становится проблемой в тех случаях, когда каждый из участников не располагает полным набором альтернатив, а поиск оптимального варианта требует каких-либо дорогостоящих мер, превышающих предел допустимых издержек. В неоклассической модели прекращения поиска определяется при помощи соотношения предельных издержек процедуры поиска с предельным увеличением количества альтернатив для осуществления решения. В контексте данной формулы при групповой выработке решений улучшения могут быть достигнуты только благодаря согласованности интересов и обмену информацией между членами коллектива. Однако, как утверждает Клаус Оффе, с точки зрения групповой деятельности границы рациональности обусловлены экзогенными ограничивающими факторами, так как польза, которую индивид извлекает из доступных ему вариантов действий, связана с образом действий, выбранным другими участниками, имеющими диаметрально противоположные интересы (Оффе, 1999, с. 664). В результате конкуренции противоречивых и малосовместимых стратегий образуется неопределенность, сложно поддающаяся оценке для каждого индивидуального субъекта, вовлеченного в политический процесс, что в свою очередь не позволяет оптимальным образом реализовать те преимущества, которые они могли бы достичь в условиях предсказуемой внешней среды. Следовательно, в условиях сотрудничества и коллективного взаимодействия субъекты, принимающие политические решения, не всегда способны делать разумные заключения об интересах и намерениях других лиц. В основе сотрудничества лежит важная проблема, которая касается минимального уровня знаний об окружающей среде, о взглядах и желаниях контрагентов, которыми должен располагать агент принятия решений, чтобы иметь возможность рационально обосновать их поведение. Тем не менее, стандартная теория исходит из допущения о рациональной непогрешимости индивидов при принятии решений. В рамках такого концептуального конструирования рациональности просчеты и искажения объясняются главным образом ненадежностью и несовершенством информации, социальным окружением либо провалами рыночных механизмов, в то время как ментальные возможности самих акторов никогда не ставятся под сомнение. Иными словами, стандартный подход исключает из своего внимания ограничено рациональные действия, не говоря уже об иррациональных решениях.

Структурированность отклонений от рациональности

Поведенческое направление в исследовании принятия решений рассматривает не только типичные экзогенные институциональные и средовые сбои, но и уделяет пристальное внимание поведению отдельных лиц, принимающих решение. Значение поведенческой теории заключается в менее категоричном и более критичном взгляде на рациональность. Представители поведенческой школы отошли от стандартных представлений, в соответствии с которыми индивиды стремятся принять наилучшие решения, исходя из доступного на данный момент объема информации, и никогда не повторяют своих ошибок. Напротив, они ставят под сомнение рациональную непогрешимость, отмечая иррациональность не как случайный и редкий сбой, но как закономерное отклонение от тщательного расчета.

Значение поведенческого подхода для понимания процесса принятия решений чрезвычайно велико. Его достоинство не ограничивается включенностью иррациональности в контекст теории принятия политических решений. Данный подход идет дальше, создавая необходимые условия, продиктованные стремлением объяснить факторы, ранее неизученные и не принимаемые во внимание, открывает возможность рассмотреть закономерные или непредсказуемые отклонения от принципов последовательности, транзитивности, логичности и эффективности. Поведенческий поворот в теории принятия решений обращает внимание на присутствие иррациональных компонентов в сознании индивида, обусловленное эмоциональными аффектами и чувственными реакциями, акцентируясь на причинах отклонений от рационального образа действия, связанных с когнитивными особенностями человеческого мышления, проявляющихся в ситуации неопределенности выбора.

В современных исследованиях установлено, что восприимчивость к неопределенности обусловлена многообразием рассматриваемых вариантов решений и сложностью решаемых задач, отсутствием структурированных предпочтений, а также стремлением минимизировать усилия. В условиях неизвестности будущего, сложности и переизбытка информации лица, принимающие решение, часто используют эвристику – совокупность методов и упрощенных практических правил, которые применяются для ускорения решения творческих задач. Даниэль Канеман и Амос Тверски одними из первых сосредоточили фокус внимания на анализе эвристик, доказав, что некоторые из них приводят к систематическим и предсказуемым ошибкам и искажениям (Канеман и др., 2018). Изучая ошибки и искажения интуитивного мышления при расчете вероятности событий, предсказаний будущего и оценке гипотез, Канеман и Тверски выделили три типа эвристик: эвристика доступности, эвристика репрезентативности и эвристика коррективы.

Зачастую при принятии решений в условиях дефицита времени агенты не анализируют максимально совокупный объем имеющейся информации, вместо этого используя только ту, которую легко найти, извлечь и вспомнить (чаще всего первые и последние фрагменты). В результате совершаемые при

этом ошибки выступают результатом пренебрежения к наиболее важной информации. Решение, основанное на легко извлекаемой информации в ущерб ее полному и тщательному анализу, называется *эвристикой доступности*. К примеру, политологам эвристика доступности помогает раскрыть причины, почему для многих избирателей значимость одних проблем гораздо выше, чем других. Это объясняется тем, что их мнение опирается на ту или иную степень освещения данных проблем в средствах массовой информации. Чем интенсивней освещается тот или иной вопрос, тем он легче вспоминается, в то время как все остальные вопросы отходят на второй план или пропадают из поля зрения.

Ошибки, вызванные действием по аналогии, то есть, совершаемые посредством сравнений и поиска прототипов и образов в аналогичных ситуациях, связаны с *эвристикой репрезентативности*. Канеман и Тверски показали, что лица, принимающие решения имеют устойчивую склонность не только делать выводы о схожести сценариев различных событий, но и чрезмерно уповать на принцип подобия, прогнозируя возникновение тех или иных событий при низкой априорной вероятности и нечувствительности к качеству имеющихся данных (Канеман и др., 2018).

Эвристика корректировки возникает в том случае, когда решения привязываются к некоему ориентиру в ходе инкрементальных (пошаговых) действий. Как следствие, различные ориентиры приводят к различным оценкам. В данном случае ошибки и искажения зависят от выбора отправной точки. Чаще всего ситуация привязки связана со стремлением сохранять статус-кво, избегать отклонений от сложившейся ситуации. Использование принципа статус-кво нашло отражение в государственной политике, связанной с решением проблем, которые возникли из-за инертности предпочтений граждан. В частности, представители поведенческой школы Ричард Тайлер и Шломо Бернаци разработали схему пенсионного обеспечения, основанную на применении статус-кво (Thaler, Benartzi, 2004).

На основе идей об эвристиках и искажениях Даниэлем Канеманом и Амосом Тверски была сформулирована базовая поведенческая модель – теория перспектив, которая занимается изучением реализуемых в будущем и сопряженных с риском и неопределенностью вариантов действий, именуемых перспективами (Канеман и др., 2018). Развитие своей теории перспектив Канеман и Тверски начинают с выявления аномалий и фактов, которые выходят за познавательные рамки стандартного подхода к изучению риска. Они обратили внимание на то, что стандартная теория не объясняет парадокс Алле и парадокс Элсберга, в рамках которых ставится под сомнение постулат стандартного взгляда о ранжировании риска ожидаемых исходов в зависимости от вероятности их наступления. Последующее рассмотрение теории перспектив требует последовательного обзора двух парадоксов.

Нобелевский лауреат Морис Алле (Allais, 1953) указал на противоречивость выбора в условиях риска, объясняя это тем, что у агентов отсутствует стабильная и устойчивая реакция на различные рискованные ситуации. Алле установил, что при выборе между определенным результатом и результатом, который со-

держит в себе риск, предпочтение отдается варианту, получаемому с определенностью. Однако если бы определенного результата не существовало, то агент пошел бы на риск. Майкл Аллингем видит в этом парадоксе свидетельство того, что агенты стремятся обратить внимание в большей мере на исходы, чем на вероятности (Аллингем, 2017, с. 72). Таким образом, акцент с оценки вероятности исхода смещается в сторону определения его надежности и стремления не идти на дополнительные риски, чтобы получить результат, полезность которого оценивается гораздо выше. В свою очередь, аналитик RAND Даниэль Элсберг (Ellsberg, 2001) выявил другой парадокс, который впоследствии был назван его именем. Ключевой тезис Элсберга: индивиды избегают неопределенности, отдавая предпочтение вариантам, просчитываемым с однозначностью. Если для определенного числа альтернатив невозможно просчитать однозначность исходов, то известная вероятность предпочитается неизвестной из-за нетерпимости к неопределенности. Таким образом, в парадоксах Алле и Элсберга опция определенности искажает рациональное поведение человека, а предпочтения перестают отвечать аксиомам максимизации результата и ожидаемой полезности, сообразно которым выбор должен быть предопределен отношением агента к риску и неопределенности.

Парадоксы Алле и Элсберга заставили Канемана и Тверски расширить область исследования и обратить внимание на проблему различного отношения к положительным и отрицательным исходам. Сместив исследовательский ракурс в сторону нарушения логики вероятности в ситуациях выигрышных и проигрышных исходов, Канеман и Тверски открыли совершенно новую область исследования, которой до этого не придавалось никакого значения. Опираясь на эвристику корректировки, исследователи заметили, что точка отсчета выступает исходным состоянием, относительно которого оцениваются выигрыши и потери при принятии решений. Вследствие этого решения определяются изменениями относительно точек отсчета, а не всей информации, которой располагает агент. Соответственно, в качестве выигрышей рассматриваются результаты выше точки отсчета, а потери определяются ниже точки отсчета. Более того, исследователи ввели в теорию перспектив функцию субъективной ценности, которая отражает неприятие потерь, показывая, что агентов больше заботят потери, чем эквивалентные выигрыши. В своем стремлении избежать неудач агенты готовы пойти на больший риск, и, напротив, на меньший риск, действуя в целях достижения положительного итога. Склонность к риску при расчете возможных потерь является своеобразным зеркальным отражением склонности к риску в контексте выгод. В результате возникает так называемый эффект отражения. В условиях гораздо высокой субъективной ценности потерь срабатывает эвристика доступности, в рамках которой происходит игнорирование важных элементов в альтернативах, и как следствие, исключается из поля зрения весь объем релевантной информации. Однако в противоположной ситуации, если в точке отсчета индивиды оценивают свое исходное состояние как крайне неудовлетворительное, либо для них все опции недостаточно хороши, то происходит инверсия предпочтений, и агенты, напротив, начинают стремиться к риску, чтобы изменить стартовые позиции и добиться большего успеха.

Исследования рационального образа действия при принятии решений в условиях риска и неопределенности, предшествовавшие теории перспектив, не учитывали динамики и не предложили объяснения инверсии взглядов в точке отсчета, относительно которой оценивается риск и неопределенность в ситуациях выигрыша или потерь. Анализ стратегий управленческих действий в условиях благоприятных и неблагоприятных перспектив способствовал значительному шагу вперед в области изучения когнитивных ограничителей рациональности при принятии решений. Однако ключевой методологический поворот, совершенный теорией перспектив, заключается в том, что оценка решений оказалась отделена от уровня вероятности в силу того, что при смещении фокуса в целеполагании на смену ожидаемому неприятию риска приходит инверсия в сторону стремления к нему.

От натуралистического подхода к либеральному патернализму

Синтез основных методологических принципов стандартной и поведенческой теорий вообрал в себя натуралистический подход. Основоположник данного исследовательского направления Гэри Клайн следует сформировавшейся исследовательской традиции, развивая тему принятия решений в условиях риска и неопределенности, но уже с другой стороны. Если Канеман и Тверски пытались продемонстрировать ограничения агентов, принимающих решения, указывали на типичные свойства иррациональности, то теория Клайна предлагает обратить внимание на сильные стороны и способности индивидов, которые обычно в теории принятия решений игнорируются (Клайн, 2020, с. 17). Он выстраивает исследование рациональности вокруг комплекса человеческих качеств, которые обозначаются как источники силы. Термин «источник силы», заимствованный натуралистическим подходом, изначально был введен в когнитивные науки в конце XX века для исследования искусственного интеллекта в качестве обозначения аналитических способностей, позволяющих разбирать проблему на элементы и выполнять операции над этими элементами, которые представляются способом их решения.

Основное внимание натуралистический подход уделяет изучению кейсов индивидуального принятия решений в условиях экзогенных ограничений, когда субъекты управления отвечают на вызовы среды и создаваемые ей сдерживающие факторы, среди которых основополагающими являются неполнота информации, дефицит времени, неопределенные цели и динамично меняющиеся условия социума. Теоретические построения и методология данного подхода выходят за рамки моделирования и экспериментальной проверки управленческих механизмов в искусственных лабораторных условиях и предполагают изучение опыта экспертов, принимающих решения на практике, в конкретных условиях места и времени. При этом исследовательский метод включает в себя рассмотрение как линейного развития событий, так и стохастических нестандартных ситуаций, когда решения приходится принимать в условиях неопределенности и лимита времени. Для решений, принимаемых в линейно развивающихся и критических ситуаци-

ях, используются, соответственно, два типа стратегий. Линейно развивающиеся ситуации (с ожидаемыми условиями, которые в значительной мере можно предвосхитить) подразумевают использование аналитических приемов дедуктивного типа: анализ вероятностей и применение статистических методов, в то время как критические ситуации требуют применения неаналитических стратегий – интуитивного оценивания, ментальной симуляции плана действий, опору на опыт, прототипы и аналогии (Клайн, 2020, с. 21). При линейно развивающихся ситуациях рациональность подразумевает применение устойчивых технологий и схем достижения цели. Однако по мере изменения условий в сторону их усложнения и нелинейности происходит инверсия стратегий рационального выбора в сторону определения наиболее работоспособной из них.

Содержание аналитических стратегий включает в себе устойчивые и в определенной мере универсальные схемы принятия решений, тогда как динамика перехода в сторону неаналитических стратегий предполагает апеллирование к ментальным возможностям лица, принимающего решение. Вариативность рационального поведения утверждается как способ реакции на возмущающие импульсы и ограничения. Если число ограничивающих факторов слишком велико, то в заданный интервал времени возможно учесть лишь часть из них. При этом уровень риска возрастает по мере того, как под воздействием экзогенных факторов возникают новые ситуации. В этих условиях накопление опыта реагирования на возникающие ограничения – основной способ усиления рациональности.

Центральными звеньями управленческого цикла, определяющими переход от аналитических стратегий к неаналитическим, становится распознавание проблемы и постановка цели на основе сравнительной либо одиночной оценки альтернатив. Принятие решений на основе распознавания (*recognition-primed decision* или RPD) включает двухэтапный управленческий цикл, начало которому задает распознавание реакции на проблему при помощи интуиции; на втором этапе дается аналитическая оценка посредством ментальной симуляции, позволяющей понять работоспособность такой реакции. Опыт – исходная позиция оценки ситуации, даже нестандартной, – в качестве отражения определенного прототипа и предопределяет типичный план действий.

В качестве отправного пункта для оценки линейной динамики проблемной ситуации и разработки соответствующего плана действий рассматривается точка доступа. Точка доступа в терминологии натуралистического подхода есть стадия принятия решений, в рамках которой осуществляется сравнение альтернатив на предмет определения их эффективности и работоспособности. Аналитическая рациональность в процессе принятия решений выстраивается вокруг возможности составления набора вариантов с последующей их сравнительной оценкой и отбором наилучшего из них в точке доступа. Именно техника одновременного изучения двух или большего числа вариантов посредством сравнения и сильных, и слабых сторон именуется *сравнительной оценкой*. Тогда как в критической ситуации, напротив, возможность попарного сравнения опций отсутствует априори, варианты рассматриваются поочередно, один

за другим, даже если актер одновременно располагает набором разных возможностей. Решения, логика которых определяется критичностью, сложностью и изменчивостью текущего момента, исключают абсолютную рациональность и последовательную техническую проработку, требующую полноты времени и аналитического сопровождения. Кроме того, если лицу, принимающему решение, известен хотя бы один вариант, который, в конечном счете, становится итоговым, то решение считается правомочным (Клайн, 2020, с. 41). Обособленное и поочередное рассмотрение вариантов одного за другим названо натуралистами техникой *единичной оценки*. Различие между единичной и сравнительно оценкой восходит к идеям Герберта Саймона, выделившего при помощи когнитивного подхода стратегию решения, которую он назвал поиском удовлетворительности (Simon, 1997, с. 26). Саймон отстаивает идею, согласно которой достижение оптимального решения всегда ограничено не только информационными издержками, но и когнитивными возможностями человека. Поэтому в отличие трактовок «оптимальности» в духе неоклассической школы с ее аналитической проработкой абсолютной рациональности, когда выбор делается из числа всех возможных вариантов, толкование «удовлетворительности» связана с процедурой единичной оценки посредством выбора первого работоспособного варианта в противоположность наилучшему образу действия.

Возникает закономерный вопрос: если альтернативы не сравниваются между собой, то каким образом осуществляется их оценка? Ответ заключается в ментальной симуляции, через моделирование действий и селекции рассматриваемых вариантов, в том случае, если они представляются малоэффективными. Когнитивный поиск первого работоспособного варианта включает в себя движение от симуляции заранее отработанного варианта к сравнительной оценке, и, в конечном счете, к рассмотрению решения на основе распознавания. Клайн подчеркивает, что к уровню распознавания относится не менее 80 % всех решений, принимаемых в условиях экзогенных ограничений.

С точки зрения формальной логики, распознавание проблемы, а затем и реакция на нее заключается в форму условного суждения с отношением зависимости между antecedentом и консеквентом («если ... то»). Определяя рациональность в соответствии с метапринципами реактивности и целенаправленности, Клайн выделяет три вариации действий реактивного характера в зависимости степени возрастания уровня неопределенности проблем, результатов и последствий управленческих действий.

В первой вариации («если ... то») при низком уровне неопределенности и проблема, и реакция на нее четко определены, а вероятность достижения необходимых результатов оценивается как высокая. Доступный объем информации дает возможность определить эмпирически установленное значение проблемы и выработать типичные способы постановки цели при принятии решений. С точки зрения конечного итога, распознавание ситуации в качестве типичной означает выбор плана действия, который с наибольшей вероятностью приведет к успеху. Этот кейс может всецело строиться на применении аналитических методов.

Вторая вариация («если? ...то») объясняет, как при возрастании уровня неопределенности и сложности проблемной ситуации акторам удается сохранить высокое качество реакции и определенности решений. Все внимание переносится на диагностику проблемы, поскольку доступная информация не в полной мере соответствует типичному кейсу либо, напротив, соответствует нескольким типам. Источник неопределенности выявляется в точке доступа на этапе диагностирования проблемы. При неоднозначных исходных параметрах постановка цели зачастую требует сбора дополнительной информации и увеличения издержек. Вторая вариация в равной степени предполагает обращение как к аналитическим, так и к неаналитическим стратегиям.

Вариация третья («если ... то?») объясняет, каким образом оценка единичной ситуации при высоком уровне неопределенности усложняет ментальную симуляцию плана действий. Предвидя осложнения на уровне реагирования (достижения результатов), актор может корректировать план действий либо искать замену под влиянием непрогнозируемых экзогенных факторов. Параметры проблемы и меры реагирования определяются интуитивно за счет неаналитических стратегий (Клайн, 2020, с. 55).

Таким образом, принятие решений при помощи распознавания заключает в себе конфигурацию, в рамках которой акцент делается либо на диагностике проблемы, либо использовании ранее отработанного варианта действия. Как видно во всех трех вариациях, ключевой причиной неверных решений оказывается нехватка, ненадежность, двусмысленность или сложность информации. Отстаивая идею сохранения рационального обоснования решений, принимаемых в условиях неопределенности, Клайн в тоже время подчеркивает, что они не могут быть совершенными в силу ментальных ограничений. Возможность оценивать сложные ситуации с последующим выбором оптимальной формы реакции всецело зависит от эффективности использования человеческого интеллекта.

В ситуациях, где реагирование приобретает ключевое значение, необходимо уделять пристальное внимание как внешним условиям окружающей среды, так и особенностям ментальных процессов рационально действующих лиц в пределах человеческих возможностей и ограничений. В этом смысле положения натуралистического подхода отражают современные тенденции изучения вариативного применения стратегий рациональности, смещение исследовательского интереса в сторону синтетического единства конечных результатов и процедурной стороны рационального выбора, выводят процесс принятия решений за рамки статичного целеполагания в условиях определенности. Для натуралистов большой интерес представляет не только определение того, каковы решения с точки зрения их итоговых результатов, но и как решения принимаются.

При разработке политических решений в условиях экзогенных и эндогенных ограничителей возникает вопрос распределения рисков и последствий политических действий внутри социума. У современных теоретиков есть убежденность в том, что государственный аппарат управления обладает преимуществами перед общественными структурами при определении рационально

верных ориентиров социального развития, базируясь на способности аккумулировать комплексные данные в едином центре управления и применения более совершенных методов их обработки и анализа. Эта точка зрения согласуется с результатами исследований, показавших, что по мере усложнения социальной реальности индивиды в значительной мере склонны к иррациональности, колебаниям в поведении и неверной артикуляции собственных интересов. Так, например, Альберт Хиршман отмечает: «...участие населения в выборах или других формах политических акций подвержено постоянным колебаниям в соответствии с изменением экономических условий, деятельностью правительства, личным развитием и другими факторами. В результате с учетом ограниченности общего времени для частной и общественной деятельности интенсивность преследования гражданами их интересов также подвержена постоянным изменениям» (Хиршман, 2004, с. 445). Таким образом, граждане принимают решения совсем не так, как следует поступать, чтобы их действия были признаны рациональными. При этом, как можно увидеть из рассуждений Хиршмана, на уровне общественных систем отклонения от рациональности довольно структурированы. Вслед за Гербертом Саймоном теоретики общественного выбора, а также ученые, изучающие когнитивные особенности поведения при принятии решений, называют это рациональным неведением или ограниченной рациональностью. Политологи чаще экономистов признают данную проблему и подчеркивают практические трудности, стоящие перед политическими акторами, принимающими решения, которые хотят понять, в чем именно заключаются подлинные интересы их избирателей. Неведения и дезинформация – неотъемлемый элемент политического управления, подтверждающий несовпадение интересов избирателей и действий политиков.

Последние научные изыскания в области управления, вобрав в себя разработки неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов, определили развитие теории принятия политических решений в направлении моделей и стратегий, при помощи которых нерациональному поведению индивида может быть задано необходимое направление со стороны государства. В научной литературе такая политика получила название «либертарианского патернализма», так как государство побуждает граждан к более рациональному поведению, даже если оно в некотором смысле противоречит их собственной воле. Сам по себе инструмент не оригинален, в том или ином виде он использовался в периоды различных войн, когда государство призывало граждан платить новые виды налогов, покупать государственные облигации и записываться добровольцами в армию. Однако механизм его работы – влияние на иррациональное поведение – раньше не был очевиден (Танци, 2018, с. 399). В работе Ричарда Талера и Кассы Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» дано обоснование этому инструменту и всесторонне рассмотрены способы его применения. «Nudge» – центральный термин концепции, который в буквальном переводе означает «подталкивание локтем», побуждение человека к действию, на которое он не может решиться. Талер и Санстейн определяют подталкивание как аспект архитектуры выбора, посредством которого государство предсказуемым образом влияет на поведение

людей (Талер, Санстейн, 2017, с. 16). Архитектура выбора – это организованный при помощи институционального регулирования и распространения полезной информации контекст, подталкивающий человека к принятию определенного решения. По сути, речь идет об универсальных институциональных механизмах, охватывающих все стороны социальной жизни и целенаправленно создающих источники силы, однако уже в коллективном масштабе.

Изначально способность каждого члена общества отвечать принципам рациональности ставится под сомнение. Наибольшие вопросы вызывают когнитивные возможности оценки, расчета и выбора средств преодоления риска в условиях плохо поддающейся рационализации окружающей среды. Рационализация становится возможной только при условии рамочной заданности сценариев социального действия со стороны государственных институтов, постепенно концентрирующих право определения рациональности. На уровне общества многообразии форм, принципов и критериев рациональности продиктовано сложностью, динамикой и стохастичностью социально-экономических, политических и технологических процессов, что исключает сведение рационального образа действия к одному единственному варианту. Собирательный образ рациональности выстраивается вокруг категории риска, который не только не позволяет рассчитать максимум достижения личных целей, но и зачастую понять, что составляет подлинные интересы граждан. Повышение рационализации и результативности политических решений происходит за счет обмена информацией между государством и обществом. Современное государство мыслится как вычислительная система, способная находить рациональные решения для множества задач.

Сопряженность рациональности с конструированием значимых контекстов активности человека предполагает высокоорганизованную социальную среду, в которой созданы условия для удовлетворения потребностей и предпочтений граждан, обеспечиваются принципы правового государства и равенство стартовых возможностей, что позволяет говорить об инклюзивности человека в жизнеобразующие взаимосвязи в рамках социума. В противном случае возникает целый ряд проблем относительно определения целей политических решений и добросовестности применения инструмента подталкивания граждан действовать в направлении, заданном архитектурой выбора. Чьими интересами руководствуется правительство при достижении целей? Могут ли цели в некоторых случаях быть заменены другими инструментами влияния – принуждением, запретом или манипуляцией? Возникает ли конфликт интересов? Опасность более глубокого вмешательства и злоупотребления властью возникает независимо от того, насколько рационально обоснованно такое вмешательство или нет. Сторонники либерального патернализма выносят за скобки нормативные и моральные аспекты регуляторной деятельности в духе идеи беспристрастности Джона Ролза, запрещавшей государству проводить политику, содержащую в себе высокие риски недобросовестности, которую страна не готова отстаивать публично перед своими гражданами. Более того, в патерналистской модели усматриваются ограничения индивидуальной свободы, так как в широком смысле

свобода включает в себя в том числе и право поступать иррационально. Все эти вопросы требуют отдельных исследований и глубокого осмысления.

Ключевым аргументом в пользу возрастающего теоретического и практического интереса к либертарианскому патернализму является тот момент, что граждане, так же как и политические институты, сталкиваются с экзогенными и эндогенными ограничителями, однако, в отличие от последних, самостоятельно не могут себя защитить. Поскольку индивиды ошибаются в условиях различного рода ограничений, то архитектура выбора должна учитывать возможность таких ошибок и минимизировать их последствия. Именно в целях минимизации рисков и ошибок со стороны граждан обосновывается необходимость значительного расширения функций государства. Либертарианский патернализм уже нашел свое практическое воплощение в США и странах Западной Европы при регулировании таких вопросов как социальное обеспечение, пенсионные накопления, здравоохранение, автострахование, координирование кредитных рынков и многих других.

Современные тенденции развития систем государственного управления показывают, что с течением времени риски, оказывающие фундаментальное и определяющее влияние на характер политического управления и исполнение государственных функций в условиях сокращающихся финансовых ограничений со стороны бюджетного законодательства, приведут к изменению роли государства в жизни общества (Танци, 2018, с. 528). Уже в текущее время глобальный характер социальных изменений требует качественно иных ориентиров институционального регулирования с точки зрения предельно допустимых рисков. Поскольку правила регулирования устанавливаются с учетом прошлого опыта, они могут оказаться нежизнеспособными в непредвиденных ситуациях, особенно в результате внедрения новейших технологий, влияния глобализации, неизбежных провалов рынка и экстерналий нового типа. Все это потребует дополнительных расходов в будущем, на которые с учетом текущего прогнозирования, очевидно, не хватит ресурсов. Если государству сложно повышать налоги или увеличивать государственный долг для обеспечения более высокого уровня расходов, то приоритетную роль начинают играть другие инструменты политического управления, в первую очередь государственное регулирование. В этом смысле побуждение граждан к более рациональным действиям в качестве функции государственного регулирования имеет свои преимущества. Специфика государственного регулирования состоит не только в конструировании принципов рациональности, но и в обозначении ориентиров деятельности как меры соответствия принимаемых решений и возникающих рисков.

Заключение

Постулаты неоклассического, поведенческого и натуралистического подходов создали обширную исследовательскую базу для анализа условий, ограничивающих рациональность. Невзирая на то, что рациональное обоснование управленческих действий в русле каждого подхода получило собствен-

ную трактовку, теоретическое осмысление процесса принятия политических решений развивается в направлении синтеза ключевых методологических принципов и теоретических положений каждого из них. Движение в сторону единых концептуальных рамок главным образом выстраивалось вокруг взгляда на рациональность как ключевого атрибута целеполагания. Прогрессивное понимание рациональности может основываться только на признании многообразия и динамичности стратегий преодоления ограничителей различной природы. Экзогенные и эндогенные факторы, сужающие поле альтернативных вариантов действия, фиксируются как пределы рациональности самого субъекта принятия решений, а также – в качестве границ рационального восприятия окружающей действительности.

По мере усложнения политических проблем возрастает уровень риска и неопределенности, что затрудняет эффективное информационное сопровождение процесса принятия политических решений. Проблема учета риска и неопределенности поднимает вопрос когнитивных отклонений и ограничений, присущих субъекту, принимающему решения. Динамично изменяющаяся среда, в которой принимаются политические решения, делает использование количественных аналитических моделей сложно осуществимой задачей, так как границы рациональности не позволяют оценить масштаб изменений, а выбор не позволяет учесть возможный риск и отрицательные последствия.

Стремление защитить население от различного рода рисков в современных научных исследованиях связывают с инструментами «либертарианского патернализма», с помощью которых государство формирует удобную для граждан среду, побуждая их менять свое поведение в сторону большей рационализации и защиты от непредвиденных последствий. Несмотря на увеличение доказательной базы в пользу патерналистского подхода, вопросы эффективности данного управленческого инструментария, возможного злоупотребления властью, обеспечения свобод и справедливости остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Аллингем, М. (2017). *Теория выбора*. Москва: Издат. дом «Дело» РАНХиГС.
2. Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А. (2018). *Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения*. Харьков: Гуманит. центр.
3. Клайн, Г. (2020). *Источники силы: как люди принимают решения*. Москва: Издат. дом «Дело» РАНХиГС.
4. Лассуэлл, Г. Д. (2005). *Власть и личность*. Москва: РАГС.
5. Найт, Ф. Х. (2003). *Риск, неопределенность и прибыль*. Москва: Дело.

6. Нейман, Дж. фон, Моргенштерн, О. (1970). *Теория игр и экономическое поведение*. Москва: Наука.
7. Оффе, К. (1999). Политэкономия: социологические аспекты. В Р. Гудин, Х.-Д. Клингеман (Ред.), *Политическая наука: новые направления* (с. 657–671). Москва: Вече.
8. Рузавин, Г. И. (2009). Неопределенность, вероятность и прогноз. *Философский журнал*, (2), 77–92.
9. Талер, Р., Санстейн, К. (2017). *Nudge. Архитектура выбора*. Москва: Манн, Иванов и Фарбер.
10. Танци, В. (2018). *Правительство и рынки: меняющаяся экономическая роль государства*. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара.
11. Фармер, М. (1994). Рациональный выбор: теория и практика. *Полис. Политические исследования*, (3), 47–58.
12. Хиршман, А. О. (2004). Интересы. В Д. Итуэлл, М. Мильгейт, П. Ньюмен (Ред.), *Экономическая теория* (с. 434–446). Москва: Инфра-М.
13. Allais, M. (1953). Le comportement de l'homme rationnel devant le risqué: Critique des postulats et axiomes de l'école américaine. *Econometrica*, 21, 503–546.
14. Ellsberg, D. (2001). *Risk, Ambiguity and Decision*. New York: Routledge.
15. Simon, H. (1997). *Administrative behavior*. New York: Free Press.
16. Thaler, R. H., & Benartzi, S. (2004). Save More Tomorrow: using behavior economics to increase employee saving. *Journal of Political Economy*, 112(S1). <https://doi.org/10.1086/380085>.

References

1. Allais, M. (1953). Le comportement de l'homme rationnel devant le risqué: Critique des postulats et axiomes de l'école américaine. *Econometrica*, 21, 503–546.
2. Allingham, M. (2017). *Teoriya vybora* [Choice theory]. Moscow: Izdat. dom "Delo" RANKhiGS.
3. Ellsberg, D. (2001). *Risk, Ambiguity and Decision*. New York: Routledge.
4. Farmer, M. (1994). Ratsional'nyy vybor: teoriya i praktika [Rational Choice: Theory and Practice]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 47–58.
5. Hirschman, A. O. (2004). Interesy [Interests]. In J. Eatwell, M. Milgate, & P. Newman (Eds.), *Ekonomicheskaya teoriya* (pp. 434–446). Moscow: Infra-M.
6. Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A. (2018). *Prinyatie resheniy v usloviyakh neopredelennosti: pravila i predubezhdeniya* [Decision making under uncertainty: rules and biases]. Kharkov: Gumanit. tsentr.
7. Klein, G. (2020). *Istochniki sily: kak lyudi prinyimayut resheniya* [Sources of Power. How People Make Decisions]. Moscow: Izdat. dom "Delo" RANKhiGS.
8. Knight, F. (2003). *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty and profit]. Moscow: Delo.

9. Lasswell, H. D. (2005). *Vlast' i lichnost'* [Power and Personality]. Moscow: RAGS.
10. Neumann, J. von, & Morgenstern, O. (1970). *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Theory of Games and Economic Behavior]. Moscow: Nauka.
11. Offe, C. (1999). Politekonomiya: sotsiologicheskie aspekty [Political Economy: Sociological Perspectives]. In R. E. Goodin, & H.-D. Klingemann (Eds.), *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* (pp. 657–671). Moscow: Veche.
12. Ruzavin, G. I. (2009). Neopredelennost', veroyatnost' i prognoz [Uncertainty, probability and forecast]. *Filosofskiy zhurnal*, (2), 77–92.
13. Simon, H. (1997). *Administrative behavior*. New York: Free Press.
14. Tanzi, V. (2018). *Pravitel'stvo i rynki: menyayushchayasya ekonomicheskaya rol' gosudarstva* [Government versus markets]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
15. Thaler, R. H., & Benartzi, S. (2004). Save More Tomorrow: using behavior economics to increase employee saving. *Journal of Political Economy*, 112(S1). <https://doi.org/10.1086/380085>
16. Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2017). *Nudge. Arkhitektura vybora* [Nudge]. Moscow: Mann, Ivanov i Farber.

Информация об авторе

Никита Иванович Ялманов, старший преподаватель, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9116-4470>, e-mail: nikita-ya55@yandex.ru

Information about the author

Nikita Ivanovich Yalmanov, senior lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9116-4470>, e-mail: nikita-ya55@yandex.ru
